

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА**

**ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА
УРАЛА: ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОИСКА**

Материалы Всероссийской научной конференции

17 – 18 июня 2013 г.

Екатеринбург

2013

13. Фишман Л. Г. Их страх и наш. Демократия и риторика угроз безопасности // Вестник УрО РАН: Наука. Общество. Человек. — 2009. — № 4 (30). — С. 13–19.
14. Фишман Л. Г. Политические дискурсы «периферийной империи» // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. — 2006. — № 3. — С. 213–219.
15. Wagner P. From interpretation to civilization – and back: Analyzing the trajectories of non-European modernities // European Journal of Social Theory. — 2011. — vol. 14. № 1. — P. 89–106.

УДК 303.442.4/446.3:321.17

Я. Ю. Старцев¹

НЕОФЕОДАЛИЗМ И НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРХАИЗИРУЮЩИХ МЕТАФОР В ИЗУЧЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ²

Ключевые слова: *неопатримониализм; неофеодализм; неформальные институты; научная метафора; российская политика.*

В статье рассматриваются методологические аспекты анализа современной российской политической системы как нефеодалной или неопатримониальной. Краткий обзор существующих подходов сопровождается анализом возможной исследовательской повестки.

Y. Startsev

NEO-FEUDALISM AND NEOPATRIMONIALISM: APPLYING PAST-ORIENTED METAPHORS TO STUDY OF RUSSIAN POLITICS

Key words: *neo-feudalism; neopatrimonialism; informal institutions; scientific metaphor; Russian politics*

Article gives an overview and some methodological arguments of the research viewing contemporary Russian politics as neo-feudal or neopatrimonial ones. Further research agenda is explored to show the relevance of such an approach.

¹ Старцев Ярослав Юрьевич — к.полит.н., докторант Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доцент (г. Екатеринбург, Россия).

E-mail: y.startsev@gmail.com

Yaroslav Startsev — Institute of Philosophy and Law of the Urals branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg).

² Статья подготовлена при поддержке проекта фундаментальных научных исследований ИФиП УрО РАН №12-Т-6-1002 «Эволюция социально-политических и правовых регуляторов современного общества».

1. Парадигмальные метафоры в современной политической науке

Роль метафоры как одного из методологических инструментов научного познания признана достаточно давно и достаточно широко – и в качестве способа порождения новой терминологии и новых интерпретаций, и в качестве средства конституирования новых парадигм исследования. Исследователи выделяют разные функции метафор в научном дискурсе и, на основании этого, предлагают различные типы метафор, в зависимости от их роли в процессе научного познания. Особый интерес представляет парадигмальная метафора [7], рассматриваемая как «базовая когнитивная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмыслять объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях). Эта модель получает регулярное выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений» [10, с. 34]. В близких значениях используются выражения «концептуальная метафора» [10], «системообразующая метафора» [11].

В современной политической науке парадигмальная роль метафор достаточно велика — начиная с почти универсально признанной и используемой метафоры «политического рынка» [11], или «неформальных институтов» [9] и до уже рутинизированных постоянным употреблением оборотов «идеологическая семья» или «политическая игра». В каждом случае, исходная метафора не просто служит яркому обозначению какого-то явления, но задает, через подразумеваемые ассоциации, целую систему аналогий, позволяющих выстроить обособленную исследовательскую парадигму. Зачастую системная аналогия между буквальным и перенесенным значениями ведет не просто к новой интерпретации анализируемого явления, но и к другим методологическим заимствованиям из сферы, породившей метафорическое сравнение. Так, характеристика политических взаимодействий как игры, или совокупности игр, в значительной степени способствует внедрению в инструментарий политической науки исследовательских методов микроэкономики и математического аппарата теории игр.

Эту генеративную роль парадигмальных метафор принято отличать от случайного либо изолированного использования метафор *ad hoc*, которое может вполне успешно выполнять терминологическую функцию (предоставлять языковой материал для обозначения отдельных явлений), но не создает нового целостного подхода к изучению политики [10]. Вместе с тем, достаточно очевидно, что внедрение в научный дискурс метафор не предполагает их мгновенного вхождения в научный оборот в одном из этих двух качеств (парадигмальном либо терминологическом).

логическом). Метафоризация вполне может оставаться лишь проявлением языковой игры, средством художественной выразительности речи, создавая ситуацию, когда «мода на метафоры порой граничит просто с дурновкусием, их употребление часто вовсе не оправданно и является следствием логической и терминологической небрежности авторов; метафоры кочуют по научным и околонучным текстам, вызывая подчас недоумение и раздражение» [2, с. 141]. Следовательно, появляются основания говорить о процессе трансформации метафор-образов, не отягощенных внятным понятийным содержанием, в более строгие формулировки парадигмального или терминологического характера, о своего рода деметафоризации речевых оборотов или отдельных слов и их последующем превращении в научные категории. Такой процесс может быть как успешным, так и неудачным: геометрическая метафора «вертикаль власти» остается элементом собственно политического дискурса, несмотря на попытки ее сциентизации, тогда как геометрические же метафоры «политическое поле», «политическое пространство» присутствуют в категориальном аппарате политологии вполне легитимно.

Деметафоризация удачных аналогий, очевидно, определяется двумя факторами: во-первых, это эвристический потенциал исходной метафоры и ассоциируемых с ней смежных значений, и, во-вторых — формирование научного сообщества (школы, направления и пр.), которое осуществляет регулярное использование и разработку нового понятийного инструментария. На наш взгляд, характеристика современной российской политической системы как «неофеодальной» и «неопатримониальной» соответствует первому из этих условий; вместе с тем, использование связанной терминологии остается достаточно разрозненным, случайным, что препятствует более основательному исследованию методологического ресурса робко формирующейся вокруг этих речевых оборотов научной парадигмы.

2. Использование обозначений «неофеодализм» и «неопатримониализм» в исследовании российской политики

«Неофеодализм» и «неопатримониализм», применительно к современному российскому обществу, представляют собой архаизирующие метафоры: они призваны охарактеризовать существующую систему властных отношений через аналогию с системами отношений, имевших место в отдаленном прошлом. Метафор и категорий подобного рода в современном (около)политологическом дискурсе довольно много, однако большая часть из них апеллирует к национально-специфичному, будь

то традиционные «общинность» или «самодержавность», исторически детерминированная «мобилизационность» или географически предопределенная «евразийскость». Задаваемая этими смысловыми ступками исследовательская и идеологическая парадигма, по существу, сводится к схеме path dependence, эффекта колеи, которая ограничивает экспликативные возможности формируемых в этом русле концепций хронологическим детерминизмом. Два выбранных нами обозначения, напротив, в силу своего более универсального характера, позволяют отвлечься от специфики национального исторического пути и перейти от диахронических объяснительных моделей — к синхроническим.

«Феодальная метафора» применительно к постсоветской России вводится в научный оборот В. Шляпентохом [14, 23], однако не получает сколько-нибудь широкого распространения ни в отечественной, ни в зарубежной исследовательской литературе, и используется преимущественно в публицистике, в том числе околонучной [ср. 3, 19]. На наш взгляд, происходит это прежде всего оттого, что предложенные В. Шляпентохом аналогии, и опирающееся на них содержание проведенного им анализа, оказались довольно поверхностными. Такие параметры политической системы, как нерегулируемое государством физическое насилие, слияние власти и собственности, персонализация властных отношений, автономизация территориальных образований, безусловно, характеризуют многие феодальные общества, однако не являются специфичными для феодализма как особого способа социально-политической организации. Перечисляя эти явления как элементы «феодальной модели», автор не выявляет существенных связей между ними, что делает обобщающую метафору несколько избыточной: ее введение не создает нового понимания политической действительности, которое не могло бы быть выражено с помощью уже широко используемых понятий — таких, как клиентелизм, клановость, коррупция, патримониализм, бандитизм и пр.

Вместе с тем, парадигматическая востребованность подобных интерпретаций оказывается достаточно велика для того, чтобы близкие по содержанию аналогии возникали и в работах других ученых. Несмотря на последовательный отказ автора от использования терминов «феодальный» или «неофеодальный», исследовательские проекты С. Кордонского [4, 5, 6] очевидным образом относятся к той же парадигме. Здесь, в отличие от работ Шляпентоха, осуществляется попытка концептуализировать некоторые существенные характеристики феодального общества применительно к современной России: это и ресурсно-распределительные

механизмы, и сословная организация общества, и поместный принцип территориального управления. Подробно анализируемый С. Кордонским «распределенный образ жизни» также легко укладывается в общую схему, будучи интерпретирован как тенденция к созданию квази-натуральных домохозяйств. Парадигмальный характер используемых метафор («сословия», «поместье» и пр.) проявляется не только в том, что исследователь стремится дать им терминологическое обоснование, создавая масштабные и порой утомительно монотонные классификационные схемы, но и в том, что С. Кордонский включает в свою интерпретационную модель работы других исследователей, которые в противном случае воспринимаются как методологические и информационные изоляты, характеризующие *ad hoc* не вписанные в теоретический контекст частные случаи. Вместе с тем, отказ от системного сопоставления современной российской политики с феодальным типом социально-политической организации делает использование этой метафоры ограниченным, — так, не входят в круг изучаемых вопросов трансформация форм собственности, роль церкви в политической системе, ремесленный тип производства, воинственность феодальных обществ и т.д. Как следствие, удачная метафора может вполне свестись к индивидуальному исследовательскому подходу, как это случилось с ситуативными сопоставлениями с феодальной системой современных США [24, 26], нацистской Германии [20] и ряда других стран.

Однако, назойливо-напрашивающийся характер некоторых аналогий дает основания и для появления феодальной метафоры в смежных с политической наукой дисциплинах, в частности — в теории организаций и политической философии, прежде всего — философии международных отношений. Если в рамках организационного анализа основанием для неофеодальных интерпретаций становятся тенденции к развитию корпоративного гражданства как формы личной зависимости, корпоративной социализации и политизации межорганизационных взаимодействий в бизнесе [18], то применительно к международной политике пост-модерна персонализированность, раздробленность и трибальность предстают как убедительная альтернатива идеям единого мирового порядка и «конца истории» [21].

«Неопатримониализм», в свою очередь, давно уже не является метафорой, конституировавшись как научная категория, — прежде всего, благодаря работам Ш. Эйзенштадта [15, 16]. Как подчеркивает сам исследователь, необходимость в такого рода концептуализации была вызвана провалом классических теорий модернизации, плохо приспособ-

ленных для объяснения механизмов функционирования африканских политических систем пост-колониального периода [15, с. 9]. Библиография осуществленных в этой парадигме исследований насчитывает сотни наименований и охватывает множество политических систем, от Латинской Америки до Передней Азии. Новая волна интереса к неопатримониальной парадигме связана с трансформацией пост-советских режимов; масштабные обобщения в этом отношении сделаны в работах А. Фисуна [12, 13]. Вместе с тем, привычные схемы неопатримониалистского анализа африканских политий редко и случайно используются при изучении постсоветских обществ, несмотря на продемонстрированный А. Фисуну эвристический потенциал этого подхода, — по существу, являясь в отношении одной группы объектов политической науки устоявшимся термином, в отношении другой упоминание неопатримониализма все еще ограничивается метафорическим использованием (некоторое исключение представляют собой работы, посвященные среднеазиатским государствам, где этот подход применяется более последовательно).

Категории «феодализм» и «патримониализм» все чаще смешиваются в современном научном узусе. С одной стороны, в работах большинства исследователей свойства патримониальных обществ регулярно выглядят как крайне обобщенное описание феодальной системы отношений; с другой стороны — со времен М. Вебера понятие «феодализм» расширилось от указания на правовую организацию средневековых сеньор-вассальных отношений до характеристики целостной социально-политической системы и ее экономических и культурных оснований [22]. Порой уже можно говорить о том, что историки и политологи просто поделили терминологию, имея в виду одно и то же явление, но применяя к его характеристике разные дисциплинарные стандарты, и одни и те же признаки политических систем историки скорее будут определять как феодальные, а политологи — как патримониальные. Существуют, конечно, и серьезные различия: (нео)патримониальная метафора гораздо чаще замыкается на собственно политических процессах, без учета социально-экономического контекста; кроме того, отчасти сохраняется веберовская традиция рассмотрения феодальных отношений как частного случая патримониализма, отличающегося свободным выбором покровителя среди представителей своего сословия [25, с. 1072].

3. Методологический потенциал архаизирующих метафор: исследовательская повестка

Дальнейшие возможности использования терминов «неофеодализм» и «неопатримониализм» в политических исследованиях связаны с перспективой решения нескольких методологических проблем.

Во-первых, это соотношение самих понятийных пар «феодализм — патримониализм», «неофеодализм — неопатримониализм». Если их происхождение связано с разными дисциплинами (соответственно, классической исторической наукой и исторической социологией), то, применительно к современным реалиям, такого противоречия уже нет: неофеодализм оказывается за рамками предметной сферы классического историка, однако может заинтересовать политолога. Категории вполне могут оказаться взаимодополняющими с учётом того, что неопатримониалистским исследованиям не хватает системных представлениях о вариациях, формах и типах (нео)патримониализма [17], тогда как исследования феодальных обществ, наоборот, предоставляют невероятное многообразие вариантов, типов и конфигураций феодальных отношений [ср. 1, 8, 22]. Таким образом, систематическое сопоставление двух групп научных исследований чрезвычайно многообещающе с точки зрения развития теории неопатримониализма и неофеодализма. В качестве гипотезы, мы можем предположить, что существующий на сегодня объём этих понятий частично пересекается: (нео)патримониализм характеризует формы доминирования, встречающиеся в разные исторические эпохи безотносительно их контекста, тогда как понятие феодализм и, соответственно, неофеодализм, представляет те же формы доминирования во взаимосвязи с социально-экономическим и культурным контекстом, характерным для политий, где не существует государства-нации, но существует детерминированность экономики единственным и маломобильным ресурсом (сельскохозяйственные и охотничьи угодья в средневековье, ископаемые и иные ресурсы сегодня) [1].

Во-вторых, актуальным оказывается расширение исследовательской проблематики, где ориентиром опять же выступают работы историков, посвящённые феодальным обществам. Неопатримониалистские исследования в значительной степени концентрируются на проблемах территориального распределения власти, взаимодействия и структурирования элитных групп, способов доминирования. Вместе с тем, многие из работ, выполненных в данной парадигме, создают ощущение неопатримониальной политики, подвешенной в воздухе: анализ властных взаимодействий не опирается на сопутствующие исследования экономической

системы, особенностей массовой и аристократической культуры, роли религиозного сознания, и прочих факторов, которые могли бы объяснить не только «как», но и «почему» и «куда», применительно к неопатримониальным обществам.

В-третьих, неофеодальная парадигма, как это отчасти уже продемонстрировано в работах цитированных авторов, позволяет объединить в систему разрозненные концепции, характеризующие те или иные особенности современной российской политики, но вне связывающей их парадигмы остающиеся неприкаемыми. Это такие концепты, как «неформальные институты», «клиентелизм», «ресурсно-распределительная система», «клановость», «непотизм» и пр.: каждый из них легко находит себе место в комплексном анализе неофеодальной (неопатримониальной) политической системы.

В-четвёртых, данный подход даёт возможность осмысленного изучения некоторых политических явлений, которые в рамках классических подходов часто оказываются симулякрами: так, исследователи российских политических партий, опирающиеся на стандартные теории партий, вдруг начинают ощущать отсутствие объекта. Вместе с тем, анализ тех же партийных структур как придворного общества, или как цеха жонглёров, с присущей этим образованиям внутренней динамикой, вполне может оказаться интересным и содержательным исследованием.

Наконец, требует прояснения методологический статус самих базовых аналогий: если эвристическая ценность «неофеодализма» как метафоры достаточно очевидна, каковы основания для деметафоризации и дальнейшего категориального развития аналогии, не является ли она досужей и поверхностной? В пользу дальнейшей категоризации данной метафоры, параллельно с развитием понятийного аппарата неопатримониалистских интерпретаций, можно выдвинуть три аргумента. С одной стороны, вполне достаточным основанием является постмодернистский прагматизм: мы можем сравнивать что угодно с чем угодно, если это позволяет нам увидеть что-то новое. С этой позиции, любая аналогия оправдана, если позволяет придти к новому знанию, или сделать непонятное — более понятным и очевидным. С другой стороны, достаточно мощная веберовская традиция аргументирует неопатримониальную парадигму через её соответствие фактическому положению вещей, т. е., говорит о выявлении системных характеристик и закономерностей, которые конструируют другой тип общества, качественно отличающийся от западных модернизационных моделей [16, 25]. Эта аргументационная линия проработана достаточно хорошо и убедительно и в конкретных

исследованиях, и расширение сферы её применения на контекст властных взаимодействий сможет её только усилить. И, наконец, независимо от того, объясняем мы феодальную аналогию произволом применяющих её авторов, или же возможностью открыть новые закономерности, необходимо учитывать, что в этой парадигме живёт значительная часть политических акторов. Неважно, почему эти акторы ведут себя нефеодалными образом — оттого, что лишь реализуют ход системных процессов, или оттого, что им так удобнее; неважно, насколько они осознают нефеодалный характер своих действий: во всех случаях, использование данной парадигмы позволяет проникнуть в логику поведения политических акторов, выполняя тем самым и экспликативную, и предиктивную функцию.

Библиография

1. Васильев Л. С. Феномен феодализма (новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. — 2007. — № 6. — С. 148–161.
2. Гогоненкова Е. О месте метафоры в научном дискурсе: постнеклассический подход // Высшее образование в России. — 2005. — № 1. — С. 141–147.
3. Дерлугьян Г. Кризисы нео-вотчинного правления // Логос. — 2006. — № 5(56). — С. 154–160.
4. Кордонский С. Г. Россия. Поместная Федерация. Административно-территориальное деление России в «реальности» и «на самом деле». — М.: Издательство «Европа», 2010.
5. Кордонский С. Г. Ресурсное государство: сб. ст. — М.: REGNUM, 2007.
6. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
7. Кульчицкая Л. В. Парадигмальная и дискурсивная метафора в науке: когнитивный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 119–125.
8. Кухенбух Л. «Феодализм»: о стратегиях употребления одного неудобного понятия [Электронный ресурс] // НЛЮ. — 2006. — № 81. — Литературный портал «Журнальный зал». — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/ku4-pr.html> (дата обращения: 15.05.2013).
9. Левитски С., Хелмке Г. Неформальные институты и сравнительная политика. Основные направления исследований [Электронный ресурс] // Прогнозис. — 2007. — № 2. — Портал «Интелрос». — URL: http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Helmke.pdf (дата обращения: 15.05.2013).
10. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2012. — № 4. С. 32–45.

11. Нежданов Д. В., Русакова О. Ф. Развитие концепта «политический рынок»: от научной метафоры к системе категорий политической науки // ПОЛИТЭКС. — 2011. — Т. 7. № 2. — С. 243–261.
12. Фисун А. А. Демократия и неопатримониализм в современных теориях политического развития: дисс... докт. полит. наук. — Харьков, 2009.
13. Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. — 2010. — № 4. — С. 158–187.
14. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. — М.: Столица-Принт, 2008.
15. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект Пресс, 1999.
16. Eisenstadt S. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. — N.-Y.: Sage Publications, 1973.
17. Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept // Commonwealth & Comparative Politics. — 2007. — Vol. 45, № 1. — P. 95–119.
18. Hancock Ph. G. Citizenship or Vassalage? Organizational Membership in the Age of Unreason // Organization. — 1997. — № 4. — P. 93–111.
19. Inozemtsev V. L. Neo-Feudalism Explained [Электронный ресурс] // The American Interest Magazine. — URL: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=939> (дата обращения: 22.05.2013).
20. Langthaler E. From capitalism to 'neo-feudalism'? Property relations, land markets, and the Nazi state in the German province of Niederdonau, 1938–1945 // Rosa Congost, R. and Santos, R. (eds.) Contexts of Property in Europe: The Social Embeddedness of Property Rights in Land in Historical Perspective. — Turnhout: Brepols. — P. 165–186.
21. Minc A. Le nouveau Moyen Age. — P.: Folio Actuel, 1993.
22. Reynolds S. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. — Oxford: Clarendon Press, 1994.
23. Shlapentokh V. Early Feudalism—The Best Parallel for Contemporary Russia // Europe–Asia Studies. — 1996. — Vol. 48, No. 3. — P. 393–411.
24. Shlapentokh V., Woods J. Feudal America: Elements of the Middle Ages in Contemporary Society. — Pennsylvania, University Park: Pennsylvania State University Press, 2011.
25. Weber M. Economy and Society: An outline of interpretive sociology / Ed. by G. Roth and C. Wittich. — Berkeley: University of California Press, 1978.
26. Zafirovski M. 'Neo-Feudalism' in America: Conservatism in Relation to European Feudalism // International Review of Sociology: Revue Internationale de Sociologie. — 2007. — Vol. 17, № 3. — P. 393–427.